

Поучительная история о терминах натуральных видов и их значениях

(Ахиллес и Черепаха встречаются у фонтана в одном из петербургских скверов, приветствуют друг друга и некоторое время беседуют о прекрасной погоде и пользе прогулок на свежем воздухе. Затем разговор плавно переходит к обсуждению важности правильного питания для поддержания здоровья и бодрости духа.)

АХИЛЛЕС: Хотите ли, госпожа Ч., я Вам как другу раскрою секрет собственных успехов в атлетизме и спорте? Всё дело в яблоках! Каждый день я съедаю ровно по три яблока, выращенных под ласковым солнцем в саду моего отца, царя Пелея. Как Вы понимаете, там всё только натуральное, никакой химии. Витальные силы родной земли, воды и солнца наполняют меня, и в результате я не знаю равных ни в беге, ни в борьбе!

ЧЕРЕПАХА: Но позвольте, насколько я знаю, владения Вашего родителя находятся далековато от наших мест, и товары из тех краёв едва ли можно найти у нас в магазинах. А теперь еще и санкции... Что же Вы будете делать?

АХИЛЛЕС: О, не беспокойтесь, госпожа Ч. Мне регулярно, раз в неделю, присылают их со специальным гонцом, а на ручную кладь санкции пока не распространяются.

ЧЕРЕПАХА: Но зачем же так гонять человека? Ведь в наших супермаркетах полно яблок — турецкие, китайские...

Теперь вот сербские появились.

АХИЛЛЕС: Нет-нет-нет. Никакие другие не подходят. Я пробовал перейти на отечественные аналоги — результат не заставил себя долго ждать. Возможно, Вы помните тот жуткий случай — мы как раз решили с Вами ради забавы посостязаться в беге, и, предоставив Вам совсем небольшую фору, я так и не смог Вас догнать. Это послужило мне хорошим уроком и окончательно убедило, что всё дело в особых витальных силах, содержащихся исключительно в яблоках из моего родного сада.

ЧЕРЕПАХА: Ах, Ахиллес, какой Вы, право, дуалист. Это так... несовременно. Как будто Вы родом из позапрошлого тысячелетия. Послушайте-ка лучше одну поучительную историю:

(Ахиллес и Черепаха встречаются на берегу реки Исис. Исисом называется участок Темзы, пролегающий через городок Оксфорд. Они мило беседуют о чудесной погоде и недавнем состязании студентов в академической гребле.)

АХИЛЛЕС: Знаете ли, госпожа Ч., я Вам по собственному опыту скажу, что для всякого атлета первостепенное значение имеет правильное питание. Особенно, между прочим, полезны в этом отношении яблоки.

ЧЕРЕПАХА: Что Вы говорите? Кстати, у меня для Вас есть кое-что.

(Достаёт из сумочки яблоко.)

ЧЕРЕПАХА: Угощайтесь.

АХИЛЛЕС: Премного благодарен. В моём распорядке дня сейчас самое время скушать яблочко.

(Принимает гостинец и откусывает. Яблоко оказывается весьма спелым и сочным. Ахиллес с аппетитом его поедает.)

ЧЕРЕПАХА: А знаете ли, дорогой Ахиллес, что то, что Вы едите — это вовсе никакое не яблоко? На самом деле данный предмет был распечатан на 3D-принтере из особого органического порошка, состоящего из молекул X, ничем не похожих на молекулы веществ, из которых состоят те яблоки, что вырастают в садах

на деревьях. Это друзья из Кембриджской лаборатории прислали продемонстрировать мне, кабинетному философу, чем они там занимаются. Представляете, они даже и не подозревали, что их творение может служить наглядным пособием для анализа фундаментальных философских проблем! Впрочем... они так и остались при своём мнении, что их исследования в области органической химии имеют куда большее значение для общества, чем мои измышления. Ведь это открывает новые возможности для производства продуктов в домашних условиях. Только представьте, какими глубокими изменениями подобное чревато для сферы торговли и всей пищевой промышленности!

ЧЕРЕПАХА: Хм... Должна Вам признаться, что с этого места у моей истории есть два возможных продолжения. АХИЛЛЕС: Какие же?

ЧЕРЕПАХА: В первом случае герои, прототипами которых являемся мы с Вами, оказались, что называется, эссенциалистами. Так, Ахиллес молчаливо принял идею о том, что у яблока есть нечто, что делает его яблоком на уровне, недоступном в ощущениях, некая сущность, обнаруживающаяся лишь на микроуровне, в то время как другие, внешне точно такие же предметы, могут быть ее лишены. Вопрос же, заинтересовавший его, был следующим:

АХИЛЛЕС: А как же, госпожа Ч., называется тот предмет, который я только что съел?

ЧЕРЕПАХА: Хм... кажется, кембриджские коллеги забыли об этом упомянуть в сопроводительном письме. Хотя... возможно, всё дело в том, что они были так увлечены своими исследованиями, что просто еще не придумали результату имя.

АХИЛЛЕС: А давайте назовём его «кемблако», по имени места изобретения?

ЧЕРЕПАХА: Ах, Ахиллес, ну кто мы такие, чтобы давать предметам имена? Атлет и философ? У нас нет соответствующих полномочий. Такими вещами должны заниматься куда более квалифицированные специалисты, глубоко понимающие предмет и точно знающие, с чем имеют дело.

АХИЛЛЕС: Хм... Прошу прощения, госпожа Ч., но можно задать глупый вопрос?

ЧЕРЕПАХА: Не томите, Ахиллес, задавайте. Тем более что не факт, что Ваш вопрос окажется глупым.

АХИЛЛЕС: Мне тут вот что подумалось... А если из этих предметов... сварить варенье... будет ли оно яблочным?

ЧЕРЕПАХА: Ну, разумеется, нет! Ничего яблочного в нём не будет и быть не может. Яблочное варенье можно сделать только из яблок, черничный йогурт — только добавив чернику, а апельсиновый лимонад даже в принципе нельзя изготовить без апельсинов. Иначе какой же он будет тогда апельсиновый, в самом деле?!

АХИЛЛЕС: Но постойте, я сам лично однажды держал в руках бутылку апельсинового лимонада. Хотя я и не собирался его пить, поскольку газированная вода вредна для желудка, я ради интереса взглянул на этикетку: в составе не было ни слова об апельсинах, лишь сплошные ароматизаторы да красители. Что Вы на это скажете?

ЧЕРЕПАХА: Скажу, дорогой Ахиллес, что, скорее всего, Вы невнимательно читали ту этикетку. Думаю, там было написано, что это был лимонад со вкусом апельсина. В противном случае Вам следовало бы отправить образец подобной продукции на экспертизу в кембриджскую лабораторию моих друзей, где квалифицированные эксперты при помощи современного специального оборудования научно доказали бы, что лимонад не являлся в действительности апельсиновым, а мы бы тогда с Вами могли засудить производителя на приличную сумму за мошенничество и введение в заблуждение потребителей.

АХИЛЛЕС: Хм... Но что это за странная штука такая — вкус апельсина? Получается, вкусом апельсина могут обладать далеко не только апельсины?

ЧЕРЕПАХА: Ну конечно! Я Вам больше того скажу: вовсе не вкус и не цвет делают апельсин апельсином. Всё это существует лишь в рамках субъективных восприятий тех, кто с апельсином взаимодействует на чувственном уровне — смотрит на него, с удовольствием ест и тому подобное. На самом же деле апельсин апельсином с апостериорной необходимостью делает особый субстрат — наличие специальных органических веществ в определённом соотношении. Благодаря этому апельсин остаётся апельсином, даже если он созрел в диких лесах Амазонии, где его никто никогда не найдёт, не увидит и не попробует. Кстати говоря, именно субстрат настоящего апельсина, будучи одним из ингредиентов соответствующего лимонада, делает его подлинно апельсиновым. И даже если изготовитель переборщит с содой и сахаром настолько, что вкус получившегося напитка полностью утратит всякое сходство со вкусом знакомого нам фрукта, это не приведёт к тому, что лимонад переста-

нет быть апельсиновым. Такого производителя придётся засудить за что-то иное.

АХИЛЛЕС: Но что же делать с миллионами простых покупателей, которые невнимательно читают этикетки и по наивности называют лимонады со вкусом апельсина апельсиновыми?

ЧЕРЕПАХА: Я Вам как философ скажу, что, по крайней мере, на теоретическом уровне с подобными явлениями следует всячески бороться. Вот буквально только что я упоминала перспективы производства продуктов на принтере в домашних условиях. А ведь это еще только предстоит установить, являются ли получающиеся таким образом предметы действительно продуктами. В конце концов, бумагу тоже можно съесть, но это ведь еще не означает, что она продукт. Перед нами очередная серьёзная проблема, лишь ожидающая своего научного разрешения.

Ох, Вы даже не представляете, дорогой Ахиллес, сколько мы, философы, натерпелись из-за неясности терминов, отсутствия четких критериев для их употребления, недооценки роли верификации для значения высказываний и тому подобного. Но теперь многие заблуждения в прошлом. Экспериментальная наука в сочетании с современной натуралистически ориентированной аналитической философией уже близки к тому, чтобы исчерпывающим образом познать природу яблок, и совсем скоро всерьёз примутся за сущность человеческой личности.

АХИЛЛЕС: Да, прогресс налицо. Но не могли бы Вы передать Вашим кембриджским друзьям от меня небольшую просьбу? Мне бы очень хотелось, чтобы после того, как они представят широкой общественности съедобные предметы, изготовленные на принтере, они как можно скорее занялись разработкой портативного прибора для различения настоящих яблок от ненастоящих. Ведь, как я Вам уже говорил, от правильного выбора пищи самым непосредственным образом зависят мои успехи в спорте.

(Ахиллес и Черепаха покидают берег реки Исис, продолжая беседовать о странностях жизни в таких местах, как Оксфорд и Кембридж.)

АХИЛЛЕС: Да уж... поучительная вышла у Вас история. А что же второй вариант её концовки?

ЧЕРЕПАХА: Думаю, он не уступает первому. В этом

случае эссенциалистом оказывается лишь упрямая Черепаха, а Ахиллес придерживается скорее прагматических взглядов. Как Вы помните, развилка у нас случилась в том месте, где госпожа Ч. сообщила Ахиллесу, что съеденный им предмет вовсе не являлся яблоком. На что темпераментный атлет теперь воскликнул:

АХИЛЛЕС: Я Вас совсем не понимаю, госпожа Ч.! Что Вы такое говорите?! Я лично только что имел дело с предметом, который выглядел как яблоко и на вкус был как яблоко; он мог выполнять ровно все те же функции, что и яблоко, — быть угощением на столе, товаром на прилавке, предметом на натюрморте, рисунком художником; из него можно было сделать варенье и прочее, поэтому какая разница, из каких молекул он состоял? В рамках повседневного словоупотребления вполне допустимо называть его именно яблоком.

ЧЕРЕПАХА: Нет-нет-нет. Тогда у нас появилась бы лазейка для яблочного дуализма. Яблочность в таком случае можно было бы понимать как нечто, не сводимое к субстрату, некое сочетание потенциальных феноменальных свойств и функций в практическом употреблении. Это всё жутко неправильно, поскольку ставит под угрозу само здание научного материализма.

АХИЛЛЕС: Почему же неправильно? С тем же успехом можно взяться доказывать, что речка, у которой мы сейчас прогуливаемся — это никакой не Исис, а на самом деле Темза. Можно брать пробы воды в разных участках, экспериментально демонстрировать их идентичность, рассматривать фотографии из космоса и так далее. Но это никак не опровергает того факта, что мы сейчас стоим у берега речки Исис. Просто люди договорились, условились называть её в данном месте именно так. Сама же по себе она не является ни скорее Темзой, ни скорее Исис. Нет никакого «на самом деле». Давайте-ка я Вам лучше расскажу одну поучительную историю:

(В далёком будущем человечество познакомилось с представителями внеземной цивилизации, живущими на одной небольшой удалённой планете Форелис. Для всестороннего изучения образа жизни этих инопланетян и обмена опытом была сформирована научная экспедиция,

отправившаяся в длительное путешествие на указанную планету, в состав которой вошла и Черепаха, крупный исследователь в области биохимии из Кембриджа. Спустя много лет к ней в гости прилетел её давний друг Ахиллес. Ахиллес и Черепаха прогуливаются у пруда на Форелисе и обсуждают недавние успехи Ахиллеса в борьбе и беге.)

АХИЛЛЕС: Вы, конечно же, помните, госпожа Ч., как много в былые времена я рассказывал Вам о том, что секрет всех моих спортивных достижений в правильном и здоровом питании и что особенно важно регулярно употреблять в пищу яблоки. Я даже в путешествие взял с собой большой мешок этих восхитительных фруктов. Но, к великому моему сожалению, их запас кончился, и я переживаю, как же проведу обратную дорогу без них.

ЧЕРЕПАХА: Не беда, дорогой Ахиллес. Мы же с Вами не на необитаемом острове находимся, а на вполне цивилизованной планете, образ жизни на которой весьма и весьма похож на земной. И здесь тоже растут яблоки. У меня с собой, кстати, есть одно. Держите, угошайтесь.

АХИЛЛЕС: Премного благодарен. В моём расписании дня сейчас самое время скушать яблочко.

(Черепаша достаёт из сумочки странный фиолетовый предмет и вручает его Ахиллесу. Ахиллес смотрит на неё недоумённо.)

ЧЕРЕПАХА: Не стесняйтесь, мой друг, попробуйте.

(Ахиллес откусывает гостинец. Предмет оказывается весьма сочным, но по вкусу напоминает Ахиллесу селедку.)

ЧЕРЕПАХА: Ну что, как Вам яблоко? Вкусное?

АХИЛЛЕС: Вы будете смеяться, госпожа Ч., но у этой истории тоже есть два возможных продолжения.

ЧЕРЕПАХА: Как мило. Дайте-ка я угадаю. Ахиллес может либо молчаливо принять, что продегустированный им предмет является яблоком, либо возмутиться по данному поводу.

АХИЛЛЕС: Ваша проницательность, госпожа Ч., просто не знает границ. Совершенно верно! Раз так, чтобы не утомлять Вас лишними разговорами, я перейду сразу ко второму случаю.

АХИЛЛЕС: Послушайте, что Вы мне дали? Никакое это не яблоко. Оно на вкус как селедка!

ЧЕРЕПАХА: Не обращайтесь внимания. Вкус — это же совершенно неважно. Я Вам как эксперт говорю — мы проводили многочисленные исследования и выяснили, что данные местные фрукты по своему химическому составу ничем не отличаются от земных яблок. Вначале мы были очень удивлены, поскольку считалось, что связь между химическим составом продукта и вызываемыми им чувственными ощущениями носит номологический характер. Мы стали выяснять, в чем же причина таких расхождений, и выяснилось, что всё дело в местной атмосфере — она содержит небольшое количество паров аммиака, которые воздействуют на состояние вкусовых анализаторов. Можно было бы сказать, что подобное влияние со стороны атмосферы приводит к возникновению

вкусовых галлюцинаций, но это не совсем так. Это никакие не галлюцинации. Это подлинный вкус местных яблок. Я Вам даже больше того скажу: затем мы попробовали местную селедку. И Вы не поверите — селедка на Форелисе на вкус оказалась в точности как наши яблоки! Исключительно из научного любопытства мы попробовали сварить селедку с сахаром. И что Вы думаете? Получившийся продукт полностью совпадал по вкусу с привычным нам яблочным вареньем! Но на самом-то деле это было селедочное варенье! Ведь нельзя же изготовить яблочное варенье, совсем не используя яблок.

АХИЛЛЕС: Ах, госпожа Ч., как же Вы меня огорчили своими рассказами! Ведь сразу по прибытии на Землю у меня запланированы важные соревнования, а без регулярного употребления яблок, я боюсь, результаты окажутся совсем не те... Что же мне делать?

ЧЕРЕПАХА: А в чем проблема? Не переживайте, Ахиллес, просто берите с собой мешок местных яблок. Я же говорю, их молекулярный состав совершенно идентичен земным аналогам. А на вкус просто не обращайте внимания, он эпифеноменален.

АХИЛЛЕС: Что Вы такое говорите, госпожа Ч.?! Для меня вкус яблок имел исключительно важное значение. Они напоминали мне о родном доме, солнце, земле и воде. Их душистый аромат бодрил и окрылял. Они неразрывно ассоциировались у меня с музыкой Моцарта, причем отнюдь не с его Реквиемом. Благодаря им мне хотелось жить в полную силу, побеждать, быть славным героем. Если же я на обратном пути всю дорогу буду питаться чем-то со вкусом мерзкой селедки, то наверняка приеду домой совершенно измученный и подавленный. Какие уж тут соревнования! Скорее, мне придется проходить длительный курс психологической реабилитации.

А знаете что, госпожа Ч., дайте-ка мне лучше с собой в дорогу баночку селедочного варенья. Оно ведь тоже натуральное и не вредное для здоровья? Конечно, варенье — не столь полезный для здоровья продукт, как свежие фрукты, но в моём положении выбирать не приходится. По крайней мере, оно будет дарить мне радость, напоминать в том числе и об этой нашей прогулке, об удивительной здешней жизни и наглядно свидетель-

ствовать о том, сколько существует на свете еще всего неизведанного. Думаю, подобные образы и размышления будут настраивать меня на позитивный лад, и я доберусь до родной Земли в бодром расположении духа, что не замедлит сказаться и на моих результатах в борьбе и беге.

ЧЕРЕПАХА: Ох, не знаю, не знаю, Ахиллес...

Ваша склонность к дуализму и ментальной каузальности, похоже, неискоренима. Ведь еще мудрый Людвиг Фейербах как-то сказал, что человек, как и черепаха, есть то, что он ест. Ладно уж, исключительно как моему близкому другу, я подарю Вам запас селёдочного варенья. Пойдёмте тогда в мою лабораторию, там еще осталось довольно много исследовательских образцов.

(Ахиллес и Черепаха покидают берег пруда, продолжая беседовать о странностях жизни в таком месте, как планета Форелис.)

ЧЕРЕПАХА: Что ж, Ахиллес, Ваша история вышла действительно поучительной. Кажется, Вы хотели тем самым показать, что свойства предметов и выполнение ими определённых функций могут быть с точки зрения повседневной практики для человека важнее, чем их субстрат. Я даже на минуту было задумалась о том, что, возможно, Вы правы. Но быстро взяла себя в руки. Я поняла, к чему Вы клоните. Вначале Вы скажете, что яблочностью могут обладать не только яблоки, но и все предметы, выполняющие те же функции; потом — что мыслить могут не только живые существа, такие как люди и черепахи, но и компьютеры, сделанные из железа, если они пройдут тест Тьюринга; а потом и вовсе договоритесь, как некоторые, что искусственный интеллект можно создать из сыра. Вы вообще понимаете, что это значит?! Сыр всегда был, есть и будет только сыром. Его функции — быть закуской к вину, а не мыслить!

АХИЛЛЕС: При всём уважении, госпожа Ч., но должен признать, что Вы — шовинист. Вы дискриминируете сыр, отказываете ему в интеллектуальных способностях. Но почему? С тем же успехом некоторые недостаточно широко мыслящие люди могли бы усомниться в том, что черепахи способны полноценно выполнять функции кабинетного философа единственно на том основании, что у черепах для

осуществления подобной деятельности якобы слишком маленький мозг, и с таким субстратом всё, на что можно быть способной, — это лишь медленно ползать в домашнем аквариуме. Но уж тут-то Вы со мной согласитесь, что количество серого вещества не имеет принципиального значения. Всё зависит от степени его организованности и сложности связей, сформировавшихся как результат многолетнего образовательного процесса в стенах различных учебных заведений.

ЧЕРЕПАХА: Но заметьте, что черепаху никто не начинает называть при этом человеком. Все помнят, «из какого она теста».

АХИЛЛЕС: Верно. Но тесто тут не причём. Основное препятствие, скорее, в том, что не все функции человека доступны даже самой образованной черепахе. Вы уж простите мне мою прямоту, но, увы, черепахи не могут работать, скажем, фотомоделями. И снова причина не в субстрате — все мы белковые существа — всё дело в формах. Впрочем, стоит признать, что в данном случае мы вновь сталкиваемся с очевидным проявлением шовинизма. Но не думаю, что подобная несправедливость Вас так уж сильно огорчает. В конце концов, главное, что Вы — личность. И данный факт, заметьте, с очевидностью никем не оспаривается. Ваши права защищены нашим прогрессивным Британским государством, Вы официально работаете в престижном университете, и даже сами же совсем недавно упоминали, что можете выступать истцом не удае.

ЧЕРЕПАХА: Ах, Ахиллес, должна признать, что в искусстве аргументации Вы сильны ничуть не меньше, чем в борьбе и беге. Не будь Вы блистательным атлетом и героем, Вам тоже можно было бы задуматься о карьере оксфордского мыслителя. Что же касается нашей дискуссии, то я пока не готова сделать какой-либо окончательный вывод. Мне нужно придти в свой кабинет и всё еще раз хорошенько обдумать. Думаю, при следующей нашей встрече я смогу рассказать Вам, к какому итогу я пришла.

(Ахиллес и Черепаха покидают берег реки Исис, продолжая беседовать о странностях жизни в таких местах, как Оксфорд и Кембридж.)

АХИЛЛЕС: Что ж, госпожа Ч., должен признать, что вторая версия Вашего рассказа действительно ничем не

хуже первой. И, кажется, я понимаю, к чему Вы клоните. Вы хотели показать мне, что для объяснения природы особых яблок из сада моего отца с научной точки зрения не следует обращаться к таким смутным понятиям, как витальные силы, а достаточно лишь, во-первых, изучить их субстрат, а во-вторых, экспериментально исследовать, какие именно функции такие яблоки способны выполнять, влияя на организм человека.

ЧЕРЕПАХА: Всё верно, дорогой Ахиллес. А потому не могли бы Вы подарить мне во благо науки мешочек столь замечательных яблок? А я уж пошлю их своим друзьям в Москву, в Институт молекулярной биологии РАН. Вполне возможно, что это приведёт к значимым открытиям.

(Ахиллес и Черепаха покидают тенистый петербургский сквер, продолжая беседовать о странностях жизни в таком месте, как Россия.)

Константин Фролов

Художники:
Дарья Дзикович
Анна Давыдова
Полина Кузина

